

В фавеле все спокойно

Экскурсия по вертикальной Бразилии

вне игры
АЛЕКСАНДР ЗИЛЬБЕРТ

Корреспондент «Коммерсантъ-BoscoSport» АЛЕКСАНДР ЗИЛЬБЕРТ прогулялся по фавеле и неожиданно выжил.

Готовиться к этой теме я начал давно. Примерно с тех пор, как посмотрел убийственный во всех смыслах фильм «Город Бога». Четыре номинации на «Оскар». Впечатляюще. Последний кадр с фразой «Основано на реальных событиях» способен заставить выкинуть из головы мысль о посещении фавел раз и навсегда. Но трудиться в Рио-де-Жанейро журналистом и не побывать в фавеле — это же себя не уважать. Да и чего бояться мне, бывавшему в Заводском районе родного города Саратова во время на его криминального расцвета или в существующих и поныне бараках саратовского Лебучева оврага?

Пляжи Рио с их чарующим белым песком кажутся бесконечными. Народная Копакабана переходит в светскую Ипанему, а та — в престижный Леблон. Это такая пляжная Рублевка, которую венчает уважаемый птлзвездный Sheraton. Гости отеля на пляж не выходят — брезгуют. Пляж муниципальный, и там с утра до вечера плещутся фавеладю — жители соседней фавелы Видигал. В Рио-де-Жанейро вообще на каждом шагу приходит на ум затертое словосочетание «город контрастов».

Sheraton и Видигал разделяет двухполосная трасса. Трасса олимпийской велогонки. Поэтому въезд в фавелу загорожен турникетами, будто в резервацию. В фавелы обычно только один въезд, потому что там зачастую есть только одна улица, которая под крутейшим наклоном тянется, завиваясь, вверх, на гору. И уже от нее вырастают нагромождения самостроев, которые и принято называть фавелами. Название пошло от одноименного растения, цепляющегося корнями за склоны гор, так же, как жители фавел цепляются за свою подчас ничкемную жизнь.

А виноваты во всем, конечно, англичане. Ну как виноваты... Британия, отменившая рабство в начале XIX века, считала, что Бразилия за счет использования бесплатного труда получает экономическое преимущество. И в знак протеста стала топить бразильские суда, подогнанное местное правительство к принятию так называемого «золотого закона». Он таки был принят в 1888-м — 13 мая стало праздничным Днем мулата, а рабы отпущены с плантаций в никуда. И стали застраивать бесхозные горные склоны. А тут еще к ним со временем иммигранты подтянулись, за ними — уволенные в запас солдаты, бывшие крестьяне.

Пропуск в вертикальный мир фавелы — отсутствие каких-либо пропусков. Чем больше ты будешь походить на своего, тем меньше внимания, а соответственно, и проблем ты привлечешь на свою голову. Поэтому у входа в фавелу надо брать извозчика-мотоциклиста. Местные хоть и беднота, но все же бразильская беднота. Поэтому в отвесную гору своим ходом не попрутся. В общем, 5 реалов (примерно 100 наших рублей) за доставку — и только держись: одной

рукой за плечо водителя, другой — за сиденье мотоцикла. На некоторых поворотах ты помимо воли будешь зажмуривать глаза. Потому что ну нет же никаких шансов не задеть этот встречный транспорт или не вылететь из седла, совсем не сбавляя скорость на лежачих полицейских. Ну а какие еще полицейские могут, казалось бы, быть в фавеле? А все-таки есть и сидчие. Все-таки в последние годы, особенно в преддверии чемпиона мира по футболу 2014 года, подавляющее большинство бразильских фавел (а их только в Рио насчитывается более 250) подверглось так называемой пасификации. То есть там теперь установлен полицейский пост, дома по возможности получили нумерацию, а также подключение к городским коммуникациям.

Впрочем, нумерация и коммуникации есть далеко не везде. Случается, что в фавеле есть только один официальный адрес, приходящийся на какое-нибудь кафе. На него и сыплется корреспонденция для всех жителей, которые доплачивают владельцу кафе за неудобство. Проблема с подключением к электричеству порой решается просто — проводкой нелегальных кабелей. Потом муниципальные власти его, конечно, обнаруживают и перерубают. И фавела на несколько дней погружается в темноту, пока фавеладю не проложат новый кабель.

Но пост полиции есть обязательно. Чтобы добраться до него, надо мчаться минут семь под углом градусов 75. И увидишь: сидят себе полицейские на стульчиках. Офисом двум бюлестелям правопорядка служит жестяной вагончик — самое, пожалуй, неприглядное строение в фавеле.

— Ясное дело, полицейских в фавелах не жалуют, — поясняет Анна Лавлинская, жительница фавелы Ладей-радос-Табажарас, работавшая волонтером во многих других фавелах. Анна — достойная во всех смыслах россиянка, которой вдруг все так наскучило в Москве, что теперь вот она полтора года как в Бразилии и не ничуть не жалеет. — За что их любить? Во-первых, во время пасификации они заходили в фавелы по самому жесткому варианту. Скажем, в Маре, где я жила, просто шли танки и стреляли во все, что движется. Очень много мирного населения погибло. Да, в фавелах есть мирное население. И это большинство. Причем обитают там не только нищелюды, но и средний класс. Во-вторых, с появлением полиции наркобизнес не исчез, а просто стал договариваться с властями.

Лучший вид на пляжи Леблону и Импанеме открывается с крыши бара Da Laj. Представить такое люксовое заведение легко можно в Ницце, но никак не в Видигале.

— У нас очень популярное туристическое место, — рассказывает продюсер клубных вечеринок Филипе. — И приезжают к нам очень приличные

люди — вся ботема перебивалась, золотая молодежь, никто не гнушается!

Трудно представить, что тут творится под покровом темноты, но при свете дня в Видигале не чувствуется ни напряженности, ни каких-то глаз, направленных на тебя из облипающих гору лачуг, ни следов наркомафии. Хотя трафиканчо (так здесь называют деятелей наркотрафика), безусловно, как и в любой фавеле, есть и здесь. Они редко доживают до 30 лет, но иногда успевают отметиться за свою короткую жизнь добрыми делами. Так, в Видигале на деньги одного из наркобаронов построена Vila Olimpica — спортивный комплекс с футбольным полем, площадкой для баскетбола, раздевалками и сценой с небольшим амфитеатром.

Барон результат своего меценатства так и не увидел, но дело его живет — подсобные олимпийские виллы появились во многих фавелах и пользуются у местной публики огромной популярностью. Вот и сейчас парни — от мала до велика — забавляются с мячом на футбольном поле. А вот домик администрации закрыт. В стране в связи с открытием Олимпиады объявили сразу четыре выходных, поэтому администрация разъехалась по дачам. У фавеладосов же дач нет. Хотя их дома очень похожи на дачи.

Вот Оскар Фариа Алвес живет ну совсем уж в лесу. Но радуется жизни и моему в ней появлению, как ребенок.

— Респекто! Респек-то! — на распев повторяет он. В том смысле, что главное — проявлять уважение друг к другу. Не важно — из России ты или, например, даже из Аргентины.

— Я бразилец, но вот у меня дома футболка Марadona, видишь? А вот Месси! Потому что это великие футболисты и люди. Не то что этот позер Роналдо, понимаешь?

Я кивнул и на всякий случай не стал рассуждать, что болею за мадридский «Реал».

— Мне 75, у меня сын играет за «Фламенго», Жуниаро да Коста, запомните это имя, и красавица жена, голубоглазая блондинка, — в этот момент из дома некстати выглянула очень ухоженная женщина — бронеда с крими глазами. А состав «Фламенго» я потом прошерстил, нет там футболистов с такими именами, конечно. — Я живу в Видигале, и меня все абсолютно устраивает! Я отсюда даже не выезжаю.

Надо заметить, устраивает здесь это довольно многих. Потому что пособие по безработице — 700 реалов (около 14 тыс. руб.), а работу можно найти реалов на 1000, если очень повезет — на 1500. Ну и кому оно надо?

— И я безумно рад, что Олимпиада пришла в мой дом, — продолжает Оскар. — Конечно, я смотрел церемонию открытия. Какой был момент, когда наша сборная выходила, а? Комок к горлу. Это Бразилия, мальчик, мы открыты для всех. Пусть все приезжают в гости!

Спортивная жизнь фавелы Видигал кипит благодаря усилиям меценатов из числа наиболее активных ее жителей

ФОТО SPORTS ILLUSTRATED/GETTY IMAGES

И я против, что какие-то там люди заперещали вам ехать ко мне! Еще бы я об этом не слышал! И моя Несси тоже слышала. Детка, как там зовут эту красотку с палкой? Точно, Исинабаева! Человек, который запретил ей приехать ко мне в гости, — конченный подлец, так ему и передай! Это же золото стопроцентное было, я уверен просто!

— Но сейчас скажу тебе главное, малыш, — Оскар Алвес наклонился к моему уху. — Никогда, слышишь, никогда не корми мику, этих маленьких подлых обезьян, — мой собеседник стрельнул глазами в сторону примостившейся над нами маргышки. — Их тут сотни. А будешь кормить — набегут тысячи.

— Фелипе, выключи ты этот телевизор, черт тебя подери, не мешай с людьми разговаривать! — прикрикнул на своего сына Уго Браули, человек, на чьем доме красуется английская вывеска «Дом культуры. Джаз-клуб». — Олимпиаду смотри. На кой ляд она сдалась? В стране и так бардак, а они веселье на весь мир устроили. Я вам так скажу — это все Штаты воду мутят. Против нас — Бразилия, Китай, Россия. Они боятся БРИКС как огня, говорю вам! Хотя смотрел я эту так называемую церемонию. Что сказать? Музыка не впечатлила. Я получше играю. Вы приходите, у меня каждый день тут народ, концерты.

От джаз-клуба, в котором, если постараются, могут поместиться даже человек десять, до начальной точки путешествия, пункта проката мотоциклов, осталось пара-тройка крутых поворотов. Один из них, самый крутой и узкий, я преодолел по ступенькам, сделанным из автомобильных шин. Тех самых, которые, по туристическим страшилкам, трафиканцы наदेвают на провинившихся жителей и поджигали.

— Все это было, и сюжет фильма «Город Бога» вовсе не надуманный, — говорит Анна Лавлинская. — Но это дело давно минувших лет. Времена изменились. Разумеется, и сейчас есть разные фавелы — более окультурившиеся и менее. Но проблема вовсе не в живущих там людях. Поэтому не надо их беспочвенно бояться.

Покіяда вполне гостеприимный Видигал, я останавливаюсь, чтобы отведать полезнейший коктейль из ягод асай, который здесь стоит в два раза дешевле, чем внизу, у пляжей. В этот приятный момент мне звонит российский коллега, тоже прехавший освещать Олимпиаду.

— Я в трех остановках от Maracana, тут стреляют, прычусь за автомобилем такси! — надрывается он в трубку. — Ты где и как?

— Я в фавеле, — отвечаю. — Самом спокойном месте олимпийского города.

АНДРЕЙ ОРЛОВ (ОРЛУША)

ОЛИМП ОЭЗИЯ

ГЛАВА 3

Дай пятёру волонтеру!

Они — добры, честны, матёры, Готовы всем помочь в беде. О ком я это? Во-лон-тёры! А где они? Они — везде, Где праздник спорта

олимпийский, Где, как всегда, болельщик туп, Они тебе хоть по-английски, Хоть на фарси с улыбкой губ Расскажут (это — в идеале), Где расположен стадион, Подробно объяснят в деталях, Где остановка и перрон, Любому глупому страдальцу Помогут в поиске котлет, Не суетясь, покажут пальцем, Где тут ближайший туалет. Они проворны, словно птички С рассвета до заката дня, У них — красивые таблички: «Проблемы есть? Спроси меня!».

Их узнают по яркой форме И по приветливым глазам. У них всегда причёски в норме, Всё — аккуратно (видел сам). Они одеждою похожи, Но поясню про них чуть-чуть: По возрасту и цвету кожи У них разброс такой, что жуть! Я видел девочек в веснушках — Ну, школьницы, ни дать, ни взять, А с ними шустрая старушка, Лет семьдесят —

семьдесят пять. Разговорились. Бабка в дредах Держала стрелку

«Выход — там», Просила, заведя беседу, Не называть её «мадам», Заправив в мини-юбку майку, Пожала крепко мне ладонь, Сказала: «Дома, на Ямайке, Меня зовут Марго-огонь». Потом, как в песне Сукачёва, Достала трубку, разожгла, Я, обалдев от бабки клёвой, Забыл усталость и дела. Она мне паспорт предъявила... 73! «Not very old», Достала фотку — вот, где сила! Она, а рядом с нею — Болт. Расстались мы в «Ямайском

Часу, наверно, во втором, Был выбор выпивки —

огромен: Сначала — ром, а после — ром. О допинге поговорили. Марго, косяк забивши мне, Сказала, что она — с Россией, На нашей, в смысле, стороне. Мне логика ямайских тётек Развеела сомнений мрак: — Не пойман — значит

не наркотик! Поймали — значит сам дурак! Тут можно было бы поспорить, Но тут старушка собралась: — Good night, мне утром — волонтерить! —

И в ночь бразильскую сплится, А я подумал: «Вот прикольно! Умом мне трудно постичать, Что люди едут добровольно Олимпиаде помогать. Причём работают —

бесплатно, И едут, кстати, за свои,

Чтоб «добрый день» тысячекратно

Твердить. Да божечки мои, Каким же нужно оптимистом, Идеалистом нужно быть, Чтоб помогать другим

туристам Поесть, пописать и попить! Иной, купив себе билеты, И съют за штуку баксов сняв, Живёт, пляня на то и это, Но Игр смысла не поняв, А этих через всю планету Их сердца «пламенный мотор» Доносит и зимой, и летом Туда, где нужен волонтер.

Я помню: как-то в Сочи ночью, Освоив вискарю объём, С Оксанкой Дуровой вдвоём Плелись мы, трезвые не очень... Не думать плохо! Мы хотели Попасть в различные отели, Где порознь проживали мы, При этом трезвые умы Нас с ней покинули бесстыдно, И было, чёрт дери, обидно Замёрзнуть в сочинском снегу. Ну, я про снег, конечно лгу, Но хеппи-энд в холодной луже Был тоже никому не нужен.

К нам смерть могла подкрасться скоро! И кто же спас нас? Во-лон-тёры! Названия своих отелей Мы промывали, как в бреду, Язык работал еле-еле... Они в ответ: «Хай ду ю ду!», Приняв нас, видно,

за испанцев. — Ну вот, напислись

иностранцы!

— У нас в России так не пьют... — Окей! Гуд мониинг! Вери гуд! — А как по-ихнему «откуда»? Ответ Оксани: «От верблюда!» Улыбками зажглись их рожи: — А как на русский, блин,

похоже!

Мы оглянуться не успели, Как волонтеры всей гурьбой Нас проводили до отелей, Клуб показали «голубой», Чтоб мы в гульбе необычайной В ночи не забрали случайно В дом однополрого разврата, Откуда людям нет возврата. Мы поклялись, что «ни ногой», Все обнялись разок-другой, Прощаясь, обнялись опять. Один из них сказал: «Дай пять!» Все громко сдвинули ладошки, Мы обнялись ещё немножко, Как в фильме про любовь

актёры,

А «Дай пятёру волонтеру!» С тех пор у нас — пароль удачи, Он — символ дружбы

однозначный, При этом — дружны бескорыстной, Простой, бесхитростной

и чистой, Когда со встречей — повезло, Когда главнее — не бабло, А мир и дружба на планете. Простите сантименты эти, Но волонтеры мне милы, И чувства к ним мои теплы, Как к кольцам на спортивном

флаге,

И, поверая мысль бумаге, Я так скажу: без добровольца Скучней бы были эти кольца!

(продолжение в следующем номере)

Простая картинка

Главное в спортивной трансляции — минимализм и чтобы русские побеждали

moscow view
НИКОЛАЙ ФОХТ

НИКОЛАЙ ФОХТ смотрит Олимпиаду по телевизору, и она ему нравится. Во-первых, наши берут медали. Во-вторых, хороша са-

ма картинка: простая и понятная. И хочется даже вспомнить, что именно такая телевизионная стилистика была свойственна победной московской Олимпиаде-80.

Никогда еще стрельба не была так близка мне. Наверное, первый раз внятно, подробно рассмотрел сразу две — из лука и из пистолета.

Лично я могу смотреть все. И болеть за все. Очень плохо играю в шахматы, но в свое время часами следил за шахматными матчами. И даже глухо вскрикивал, когда шахматист делал красивый ход.

Чего уж говорить про стрельбу из лука, тем более из пневматического пистолета. Тут такая динамика, такие страсти. Эти непроницаемые женские лица — где еще увидишь? У какой красоти? И, главное, тихо так вокруг, благостно. Бесшумно отпускает тетиву Инна Степанова, Ту-

яна Дашиндоржиева — еще бесшумней, а Ксения Перова, наоборот, ее натягивает — уникальной какой-то, особенной, уютной техникой: сначала полудвижение плечом, а затем подбородком устанавливает пригоршню с тетивой в точку якорения. И бац!

А Бацарашкина Виталина целится долго, пистолет на вытянутой руке не дрогнет — как такое возможно? Такое возможно только благодаря усердным тренировкам, поясняет комментатор.

И я думаю в этот момент, что и без тренировок пистолет бы не дрожал, а стрела бы летела, куда положено. Это ведь женщины — упругие и сильные.

С одной стороны, до золота рукой было подать, с другой — соперницы выиграли заслуженно. Но с третьей — серебро в луке и пистолете

такое долгожданное, редкое, что радостно и тепло на сердце.

Хочется сказать про телевизионную картинку из Рио-де-Жанейро. Я еще на церемонии открытия заметил — показ в общем небогатого представления был таким... графичным. Авторы шоу сделали его визуальным плоским — простым, очень удобным для телезрителя. Неперегруженная картинка принтом фиксируется в мозге, остается там надолго.

В показе спортивных состязаний то же: минимализм, телевизионный примитивизм. Никакой «красоты», как будто смотришь технический канал или видео спортивного оператора. Только то, что важно, что поможет тренеру на разбор. Иногда дежурные планы стрибун, да инфографика вмещивается: очки, секунды, медали.

Или вот Светлана Кузнецова играет с китайкой Ван Цян. Не глав-

ный, как я понимаю, корт, поэтому как в старой компьютерной игре — все скупо, чтобы не перегружать процессор. Редкие комментарии Анны Дмитриевой и Александра Метревели. Наконец можно рассмотреть игру, увидеть, что Кузнецова играет на фоне усталости, на морально-волевых. Но она просто лучше очень опасной молодой китайки.

Или вот предварительные командные в женской гимнастике. Лакононость, визуальное равнодушие сдвигают с мертвой точки собственное бесчувствие. Я другими глазами смотрю на наших девушек. И вдруг вижу в их глазах отчаяние. Физически ощущаю, что им почему-то очень тяжело работать. Они почти проваливаются начало, но шаг за шагом, от снаряда к снаряду выправляют положение. Они развиваются на глазах. И сердце разрывается от сострадания; и сердце наполня-

ется радостью, что выстояли и выстоят. Мне кажется, способ трансляции помогает поймать все эти в общем-то редкие лично для меня эмоции.

Бедная картинка — очень хорошая картинка. Затягивающая, медитативная. И, повторю, концептуально спортивная. Я не знаю, может быть, тут дело в маленьком бюджете, но это тоже спортивный принцип — ставить себе на службу все неудачи и препятствия, разворачивать их в свою пользу. Мой тренер по самбо Анатолий Семенович Мороз так мне говорил: «Китайка, не унывай никогда! Травмировал правую руку перед соревнованиями — хорошо, меняй стойку. Приехали в другой город, будучи подкуживаем хозяевам — отлично, настроись лучше, злее поведешь». Извлекать пользу из беды — это не эстетика, не этика, это и есть спортивный принцип.